

Исследование и каталогизация западноевропейских иллюстрированных рукописей

Современные задачи и методы

Екатерина Золотова

Автор статьи, подводящий итоги своей десятилетней работы над каталогом «Книжная миниатюра Западной Европы XII–XVII веков. Каталог иллюстрированных рукописей в библиотеках, музеях и частных собраниях Москвы», сосредотачивается на методологических аспектах изучения и каталогизации иллюстрированной рукописной книги с точки зрения тех требований, которые предъявляют современная искусствоведческая наука и новейшие технические достижения.

Ключевые слова: западноевропейская книжная миниатюра, каталогизация, иконография, гравюра, часословы, фрагменты, «Каталог иллюстрированных рукописей в библиотеках, музеях и частных собраниях Москвы».

Итогом моей более чем десятилетней исследовательской работы в московских библиотеках, музеях и архивах, где хранятся западноевропейские иллюстрированные рукописи Средних веков и Возрождения, стал первый в истории отечественных собраний каталог-резонне «Книжная миниатюра Западной Европы XII–XVII веков. Каталог иллюстрированных рукописей в библиотеках, музеях и частных собраниях Москвы»¹. Наиболее интересные результаты работы были опубликованы за это время в двух десятках статей в периодической печати. Это прежде всего атрибуции московских памятников, но также и то, что связано с текстами и музейной историей рукописей. Подытожить методологический опыт исследования и каталогизации иллюстрированных рукописей мне представляется не менее важным и актуальным.

Последние двадцать лет в истории изучения украшенной живописью рукописной книги Средних веков и Возрождения можно без преувеличения назвать революционными. При этом мы стали свидетелями не одной, а двух революций, последствия которых радикально изменили принципы и методы исследования и каталогизации.

Суть первой революции формулируют коротко. Рукописная книга перестала быть монополией палеографов и словесников, теперь она часть истории искусства. Причем очень важная часть. Интерес истори-

ков искусства к рукописной книге объяснялся прежде всего объективными причинами. Книжная миниатюра Средних веков и Возрождения – это огромный пласт изобразительной культуры (в простом количественном исчислении памятников – тысячи, и аналогов этому нет). Но еще более важно то, что книжная миниатюра – часто единственное поле для исследований искусствоведов-медиевистов, поскольку и монументальные фрески, и алтарная живопись, подверженные разрушительной силе времени, исчезали без следа. Рукописная книга всегда имела больше шансов выжить, и вплоть до Гутенберга и Возрождения являлась для живописи эпохи одним из основных носителей. Не случайно эта фраза: «Когда живопись была в книгах» – стала своего рода девизом парижской выставки «Иллюстрированные рукописи во Франции. 1440–1520» (1993), подготовленной ведущими специалистами Франсуа Аврилем (Национальная библиотека Франции) и Николь Рено (Лувр) и посвященной почти целому столетию истории французской книжной миниатюры². А десять лет спустя коллеги Франсуа Авриля внесли этот девиз в заглавие сборника статей, выпущенного в его честь³.

Парижская выставка, без сомнения, стала исторической как для широкой публики, так и для историков искусства. Она открыла подлинные сокровища средневековой и раннеренессансной живописи, веками скрытые от людских глаз. Зрители увидели поистине завораживающие картины и образы давно ушедшего мира в сиянии золота и красок, сохранивших свою первозданную свежесть. Это искусство было обречено на зрительский успех. Что же касается специалистов, они ведут от этой выставки отсчет нового этапа в изучении рукописной книги. Фундаментальный каталог Франсуа Авриля и Николь Рено заложил основу каталога нового типа в области изучения средневековой книжной живописи. Главным объектом внимания его авторов стали миниатюристы и их произведения, творческая индивидуальность, стиль и метод. А главной задачей – создание истории французской живописи конкретного периода в ее классическом понимании: с характеристикой художественных центров и местных школ, их своеобразия и взаимодействия, с портретами мастеров-лидеров и их учеников и последователей, с эволюцией художественных стилей и индивидуальных манер.

За несколько последних десятилетий интерес к рукописям Средних веков и Возрождения вырос чрезвычайно, а изучение книжной миниатюры переживает настоящий бум. Не только в столицах и мегаполисах, но и в тихой провинции выставки иллюстрированных рукописей стали невероятно популярными. Их темой может быть имя мастера, иллюстрируемого автора или мецената, историческая эпоха или национальная школа, стилистическое направление, отдельный вид рукописной книги и т. д. К выставкам, как правило, приурочены международные научные конференции. Посвященные отдельным периодам, темам, именам и даже отдельным рукописям, монографии и диссертации исчисляются

ся десятками. Важное место занимает теперь специальная периодика. Так, уже более десяти лет во Флоренции выходит толстый ежегодник «Rivista di Storia della Miniatura», а в Париже – ежеквартальный журнал «L'Art de l'Enluminure», каждый выпуск которого, полностью цветной, целиком посвящен одной рукописи. Подобного периодического издания по истории европейской живописи, где объектом исследования в одном выпуске был бы один памятник, в мире нет. Динамичный сектор исследования – факсимильные издания ценных рукописей, которые в крупных библиотеках занимают уже несколько полок. Каждое новое издание с обстоятельным комментарием, написанным ведущим специалистом в своей области, становится научным событием. Среди всем известных имен особо отмечу издательство Franco Cosimo Panini. Без его толстых томов по итальянской миниатюре повседневная работа итальяниста уже просто невозможна.

Настоящий бум переживает и антикварный рынок, представляющий собой широкую разветвленную сеть больших, средних и малых антикварно-букинистических домов. На нем, помимо патриархов – Christie's и Sotheby's или менее известных Maggs Bros. Ltd., регулярно устраивающих профильные рукописные аукционы, – в последние десятилетия прочно закрепились несколько постоянных ключевых игроков, специализирующихся именно на рукописях. Это Heribert Tenschert (с 1977 г.), Jörn Günther (с 1990 г.), Sandra Hindman (с 1991 г.) и ряд других – все они регулярно выпускают обновленные каталоги своих коллекций с серьезными атрибуционными комментариями.

В библиотеках всего мира давно уже осознали тот факт, что каждый руководитель отдела рукописей выполняет не только функцию хранителя ценнейших документов и письменных раритетов, но является еще и директором художественного музея или, если угодно, картинной галереи. А это влечет за собой не только открытость внешнему миру и самой широкой публике. Это означает еще и новые подходы к изучению памятников, принятые в художественных музеях. В крупных библиотеках и музеях мира организованы научные исследовательские центры по их изучению, а присутствие историков искусства в штате отдела рукописей давно стало нормой. Их задача – исследование и каталогизация фондов. Основным типом каталога иллюстрированных рукописей отныне стал музейный каталог-резонанс. Главная задача его составителя – атрибуция памятника, т. е. его географическая, художественная и хронологическая локализация. Главным объектом исследования, наравне с текстом, является живописный декор. Анализ иконографических и стилистических особенностей каждой рукописи в ее историко-художественном контексте позволяет определить ее принадлежность той или иной художественной школе (если речь идет о ранних этапах истории книжной миниатюры), мастерской или миниатюристу (если рукопись украшена в XIV веке и позднее), а также дает возможность датировать рукопись.

Рубрикация каталожной статьи отражает три основных направления исследования – это содержание, живописный ансамбль и история каждой рукописи с момента ее создания и до того, как она поступила в собрание, где хранится в настоящее время.

В организации материала в рукописном каталоге-резонне сочетаются, как правило, три подхода: тематический, географический и хронологический. Тематический подход предполагает деление на разделы. Это Библии, литургические книги (бревиарии и антифонарии для службы, миссалы и градуалы для мессы и т. д.), молитвенники для индивидуального пользования (псалтири и часословы), рукописи светского содержания и пр. География происхождения рукописей диктует их расположение внутри каждого тематического раздела: скажем, во французской части каталога сначала идет парижская школа, а затем все имеющиеся провинциальные. Наконец, в пределах каждой школы соблюдается хронологическая последовательность. Эта схема уже стала нормой и заранее обеспечивает удобство пользования каталогом.

Историк искусства исследует живописный декор по двум направлениям: иконография (что изображено) и стиль (как изображено). Остановлюсь здесь лишь на первой части – иконографии и ее роли в атрибуционной работе. Изображение говорит очень много о происхождении рукописи. Выбор сюжетов (библейских или житийных, канонических или апокрифических), их трактовка, их последовательность в ансамбле позволяют определять принадлежность рукописи той или иной области, епархии, городу, художественному кругу, мастеру. Так, если во французском часослове XV века все четыре евангелиста изображены на одной странице, можно с уверенностью говорить о том, что часослов украшен в Руане. Особенностью нидерландских часословов того же времени стала схема украшения каждого нового раздела, согласно которой текст начинается справа большим сюжетным инициалом, а левую сторону разворота занимает большая миниатюра во весь лист. Важен для локализации рукописи анализ текстов внутри изображения. Это могут быть, например, слова и фразы на свитках-филактериях, которые держат в руках изображенные персонажи. Пятьдесят четыре таких свитка с текстами в историзованных инициалах болонской библии XIII века из РГБ (ф. 722, № 734) позволили уточнить многие сюжеты и, в частности, прочитать уникальный иконографический цикл иллюстраций к псалтири, в которой, вразрез с традицией, псалмы иллюстрировались не сценами из жизни царя Давида, а сценами земной жизни Христа⁴.

Важное место в исследовании живописной иконографии книжной миниатюры занимает тема ее взаимоотношений с другими видами изобразительного искусства – алтарной картиной, фреской, гравюрой. Роль последней особенно ощутима в рукописях XV–XVI веков. В живописной манере миниатюриста опора на гравюру чувствуется сразу. Она проявляется в жесткой линейной стилизации драпировок, в пере-

груженности задних планов персонажами и деталями, в сухости трактовки.

Московские рукописные собрания дали богатый материал для исследования темы. Это относится в первую очередь к папке с 14 коллажами, которые в XIX веке неизвестный коллекционер сделал из листов, вырезанных из австрийских хоровых книг XV–XVI веков (РГБ, Ф. 205, № 951). На полях первого из этих листов 35 (sic!) изображений, заимствованных из гравюры. Источниками послужили популярные во второй половине XV века гравированные игральные карты, в том числе Израэля ван Мекенема (звери, птицы, воинственные дикари); композиции, гравированные Мастером Е.С. (тондо с гербом семьи Эхлингенов, цветы); борьба дикаря с грифоном анонимного мастера – последняя превращена в геральдическую композицию. Случай беспрецедентный: кажется, будто миниатюрист задался целью таким образом продемонстрировать всю коллекцию гравированных образцов, хранящихся в мастерской, а эти коллекции были весьма внушительных размеров⁵.

На названных листах с коллажами среди прочих наклеены семь историзованных инициалов неизвестного монограммиста CZ, работавшего в конце XVI века. Ориентация на гравированные источники в его сюжетных композициях была очевидна с первого взгляда. Часть их также удалось найти: так, сцену борьбы архангела Михаила с сатаной монограммист скопировал

Ил. 1. Давид и Вирсавия. Миниатюра из часослова. Бургундия. Начало XVI в. Москва. РГБ. Ф. 183, № 1911, f. 74

Ил. 2. Давид и Вирсавия. Гравюра из печатного часослова Пьера Реньо. Руан. Начало XVI в.

Ил. 3. Смерть у алтаря. Миниатюра из градуала. Германия. Ок. 1725 г. Москва. РГБ. Ф. 270, 16, № 4, с. XXXVI

Ил. 4. Ян Стефан ван Калькар. Иллюстрация к «Анатомии» Андрея Везалия. Базель. 1543. С. 164

с гравюры нюрнбергского мастера начала XVI века Ханса Шпринггиле, «Богородица с Младенцем» – с гравюры Луки Лейденского⁶.

Не менее интересен с этой точки зрения бургундский часослов начала XVI века (РГБ. Ф. 183, № 1911). В нем весь цикл больших сюжетных миниатюр заимствован из часослова, напечатанного издателем Франсуа Реньо II в Руане (1534) (Ил. 1, 2). А для редкой иконографии сцены с купающейся Вирсавией, в которой служанка помогает ей снять чулок, миниатюрист использовал гравюру из другого печатного часослова, изданного Пьером Реньо.

Наиболее поздний пример обращения к гравированным источникам – иллюстрация к заупокойной службе в южно-немецком градуале начала XVIII века (РГБ, Ф. 270, 16, № 4). Здесь изображена Смерть в виде скелета, облокотившегося на алтарь с атрибутами *vanitas*. Ее иконография заимствована из знаменитой «Анатомии» фламандского врача Андрея Везалия, впервые изданной в Базеле (1543) (Ил. 3, 4). Любопытно, что сам Везалий подвергался гонениям церкви и даже инквизиции за свою смелую книгу, а два столетия спустя монастырский художник использует скандальную анатомию, чтобы украсить хоровую книгу для мессы⁷.

Угадать и найти иконографический первоисточник того или иного сюжета очень важно. Задача исследователя и автора каталога в данном случае – реконструкция метода работы миниатюриста, и его опора на хорошо известную или малоизвестную гравюру, фреску

или картину – одна из составляющих характеристики творческой индивидуальности мастера, его роли и места в художественном контексте эпохи. Подобные цитаты помогают датировать и особенно локализовать рукопись, расшифровать тот или иной сюжет и образ. Наконец, если говорить о гравюре, то ценность подобных цитат в рукописях с фиксированными датами изготовления еще и в том, что они служат своеобразным *terminus post quem* при датировке ранних гравированных образцов, которые не имеют дат в принципе. В подобном случае исследователь книжной миниатюры вносит вклад в изучение и ранней гравюры тоже.

Уникальное место в работе любого каталогизатора западноевропейских латинских рукописей занимают часословы, настоящие бестселлеры Позднего Средневековья с почти трехсотлетней историей. Наиболее популярны они были во Франции. Не случайно на парижской выставке 1993 года из 240 рукописей часословов было почти 100 (для сравнения: в московских собраниях 26 французских часословов, и это половина всех французских рукописей). Часословы лучше всего сохранились, они легче поддаются локализации. Историю французской живописи XIV–XVI веков вполне можно было бы написать только по часословам. Эта история не станет исчерпывающе полной, но в ней будут отражены все ее основные этапы, особенности местных школ, лицо той или иной мастерской, эволюция индивидуальных манер миниатюристов и многое другое.

Важность часословов как опоры во многих аспектах исследования рукописей осознали давно и везде. За последние десятилетия они становились много раз объектами отдельных самостоятельных публикаций. На новом этапе принципиально изменилась работа с текстами часословов. Сегодня в распоряжении составителя каталога есть целый ряд справочных изданий, с помощью которых максимально точно можно локализовать все части текста часослова. Это относится к календарям (где для локализации равно важны все три списка – золотой, красный и синий), суточному циклу служб, заупокойной службе (здесь пригодился справочник датчанина Кнута Оттосена, где по *incipit*'ам девяти ноктюрнов заупокойной службы можно почти безошибочно установить место ее применения). Это относится и к огромному корпусу молитв на французском языке – стихотворных и в прозе. Здесь важнейшим подспорьем в работе стали репертуары Жана Соне, Кейта Синклера и Пьера Резо – своеобразная триада дополняющих друг друга томов. Молитвы, часто написанные на местном диалекте, также дают возможность уточнять место изготовления той или иной рукописи, больше узнать о заказчике. Теперь сверка текста каждого часослова с указанными изданиями и отсылка к ним стала при составлении каталога нормой⁸.

Несколько слов о третьей части каталожных исследований – провенансах и библиографии. К сожалению, в Москве традиция изучения латинских рукописей отсутствует. Ни до революции, ни после московские собрания так и не были каталогизированы. Чтобы пересчитать

наши рукописи, полноценно присутствующие в контексте мировой науки, достаточно пальцев одной руки. Здесь у нас больше исключений из правил. Им стала, например, статья профессора Московского университета Ю.К. Фёлькиеля об итальянской рукописи писем Цицерона XV века, написанная целиком на латыни (1865). К разряду исключительных можно отнести солидное библиографическое подкрепление флорентинской «Космографии» XV века из библиотеки князя А.Я. Лобанова-Ростовского (РГБ. Ф. 68, № 215) в виде двух каталогов, изданных в Париже в начале XIX века. Это каталог картографической коллекции самого князя Лобанова-Ростовского (1823) и предпродажный каталог библиотеки тулузского графа Жюстена Маккарти Рига (1817), у которого Лобанов-Ростовский и купил «Космографию». Каждая публикация для нас на вес золота, но без нее любой каталог не может считаться полным. После долгих поисков мне удалось отыскать каталог аукциона в Люцерне (1933), на который большевики отправили бесценные московские и петербургские рукописи (часть из них утрачена для нас навсегда) и где с фотографиями была опубликована подаренная еще П.Г. Демидовым Московскому университету французская Библия XIII века (Научная Библиотека МГУ, Ин. рук. 7, и: 288703), известная специалистам как *codex demidovianus*. До сих пор необъяснимое чудо, что ее никто не купил и она вернулась в Москву⁹.

То же относится и к проблеме происхождения рукописей и формирования наших собраний. Здесь все настолько фрагментарно, что уловить тенденции вряд ли возможно. У нас в фондах нет ни одной личной коллекции латинских рукописей, кроме библиотеки графа Н.П. Румянцева (в которой иллюстрированных рукописей всего десять). Имена замечательных библиофилов XIX века представлены, как правило, одной рукописью, и здесь не до обобщений. В том, что касается провенансов, больше интересных находок и сюрпризов преподнесли итальянские рукописи, но делать вывод о том, что русские библиофилы предпочитали именно Италию, было бы, пожалуй, неверно.

Говоря о каталоге-резонансе, нельзя обойти тему справочного аппарата. Справочный аппарат в каталоге такого типа не является формальным его придатком. Это по существу скелет каталога – результаты исследования, представленные в схематическом виде. Ценность этих результатов определяют даже не столько полнота аппарата (это само собой разумеющееся требование), сколько его дифференциация. Специфика атрибуционных подходов отражается в разделах «Упомянутые рукописи» и «Упомянутые произведения искусства», в персоналиях имена публикуемых миниатюристов отделены от имен, упоминаемых в атрибуционных комментариях, а в библиографии литература о публикуемых рукописях – от цитируемой литературы. Такой четко дифференцированный указатель сразу дает представление об исследовательских итогах, убыстряет работу с каталогом.

Отдельный раздел в каждом каталоге-резонне и отдельная исследовательская задача – это рукописные фрагменты (миниатюры, чаще историзованные инициалы, а также целые листы или даже бифолии). В корпусе московских памятников их почти треть от общего количества. Появлением этого раздела в наших каталогах мы обязаны Наполеону и европейским романтикам. Наполеон разорил десятки монастырских и церковных библиотек, вследствие чего огромное количество вышедших из употребления средневековых литургических книг оказалось на антикварном рынке (поэтому большая часть фрагментов происходит именно из градуалов, антифонариев и т. д.). А романтики ввели моду на средневековое искусство и на коллекционирование пергаментных сценок из жизни Девы Марии, Христа и святых. Делалось это с помощью ножниц – варварским способом, если называть вещи своими именами. Первый аукцион Christie's в Лондоне, целиком посвященный фрагментам, состоялся еще в 1826 году. Джону Рёскину, будущему идеологу прерафаэлитов, тогда было всего пять лет – именно он спустя три десятилетия сделает печально знаменитую запись в дневнике: «Cut missal up in evening – hard work» («Вечером вырезал из миссала – тяжкий труд»).

Такие фрагменты хранятся по-разному. От XIX века нам достались красиво переплетенные альбомы, коллажи и даже склеенные миниатюрные алтари-складни. Попадают старые фрагменты и в более ранних дружеских альбомах (т. н. «album amicorum») XVI–XVIII веков. Но большая их часть хранится в разрозненном виде. В российских рукописных собраниях фрагментов довольно много. Встречаются они и у коллекционеров гравюры и рисунка. Коллекции фрагментов описываются так же, как и целые рукописи. Если сохранились обрывки текста, значит, есть работа для палеографа, литургиста или литературоведа. По изображению – выбору сюжета, его иконографии и т. п., как правило, удастся определить, из какой литургической книги вырезан фрагмент. И, наконец, главная задача – это атрибуция живописного фрагмента. Задача вполне реальная, потому что вырезали самое интересное с точки зрения сюжета, самое красочное и заметное, а чем ярче в художественном отношении и качественнее живопись, тем легче ее атрибутировать. В именном указателе каталога московских рукописей четверть миниатюристов – более десятка имен – появилась именно благодаря фрагментам.

Применив ножницы в качестве инструмента познания, позапрошлый век породил для современников и потомков не только отдельный вид собирательства (вспомним коллекции фрагментов Даниэля Вильденштайна в Париже или Жанны Майлз Блэкбурн в Кливленде). Он обеспечил многие поколения историков искусства работой по поиску этих разрозненных фрагментов с целью их виртуального воссоединения. Поиск «sister-miniatures» (миниатюр-сестричек), «sister-leaves» (листов-сестричек) – так их называют в англоязычных каталогах – необычайно увлекательный и подчас напоминающий детектив, стал отдельной

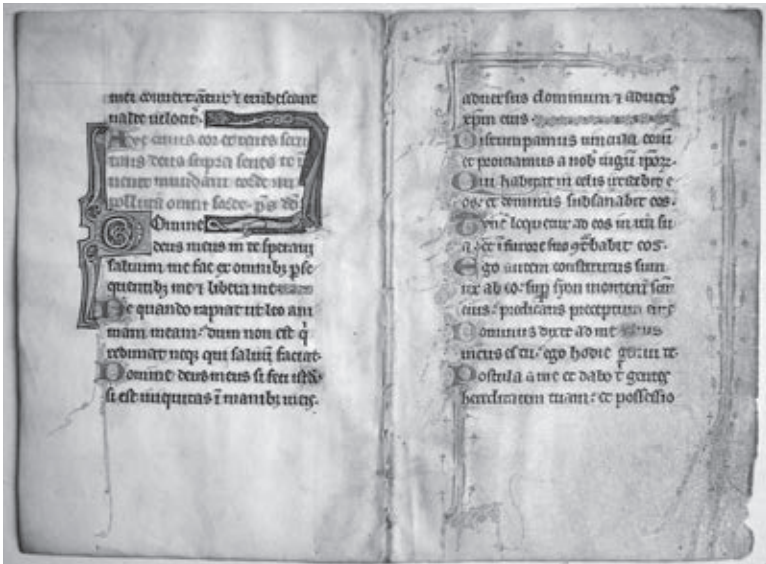
искусствоведческой задачей, а для составителя каталога – своего рода задачей-максимум. В каталожных статьях, описывающих фрагменты, появилась и соответствующая специальная рубрика.

Если обратиться к московским примерам – наиболее интересной, пожалуй, стала история реконструкции немецкой рукописи XV века «Зерцало человеческого спасения». Она началась с единственного фрагмента, хранившегося безымянным в РГБ, а закончилась восстановлением почти четверти живописного ансамбля: три его фрагмента удалось обнаружить в ГМИИ им. А.С. Пушкина, десять – в двух частных собраниях Москвы, один – в каталоге аукциона Sotheby's и два – у антиквара-букиниста Sam Fogg в Лондоне¹⁰. «Родственницы» других московских фрагментов находились в самых неожиданных местах – в университетских библиотеках по ту сторону Атлантики, у европейских антикваров-букинистов, а иногда и совсем близко – в стенах одного хранилища рукописей¹¹.

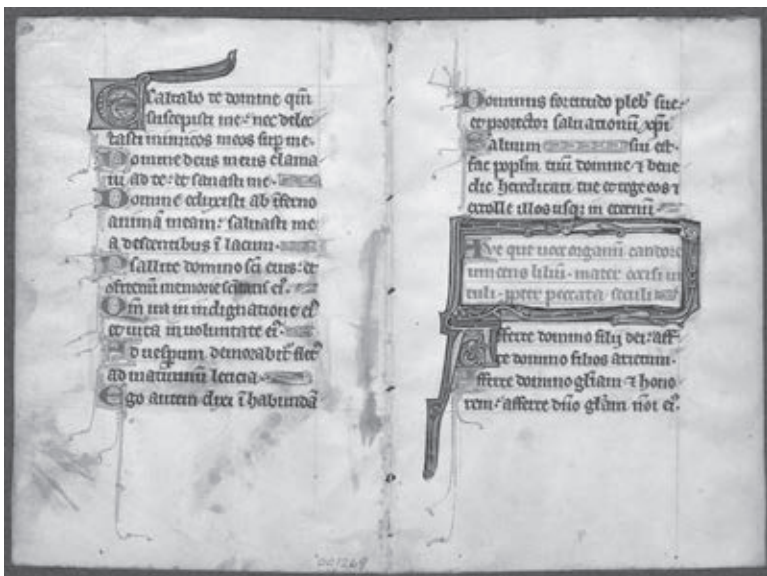
Возвращаясь к теме революционной ситуации, которую мы переживаем, я перехожу ко второй революции, которая совершилась на наших глазах в последние десять-пятнадцать лет и оказала громадное влияние на нашу профессиональную жизнь. Речь пойдет об Интернете.

Интернет обеспечил беспрецедентный доступ к материалу. Базы данных Mandragore и Liber floridus (Париж) и сводная база муниципальных библиотек Франции Enluminures, базы Британской библиотеки (Лондон) и Королевской библиотеки (Гаага), Corsair библиотеки Пирпонта Моргана (Нью-Йорк) и сводная база американских библиотек Digital Scriptorium под эгидой Колумбийского университета – это только те основные электронные базы данных, без почти ежедневного общения с которыми уже невозможно представить себе текущую работу. Сейчас специализированными базами данных обзаводятся уже каждый музей, университет, колледж, где хранятся иллюстрированные рукописи. Базы данных вывешивают частные коллекционеры, аукционисты и т. д. Легче назвать те коллекции, которые еще не каталогизированы в Интернете. Российские, к сожалению, пока в их числе.

Иллюстрированная рукопись – это художественный ансамбль, в котором может быть более сотни сюжетных сцен. Грустно теперь вспоминать, как приходилось собирать эти материалы по отдельным публикациям годами, буквально по крупичкам. Благодаря Интернету специалисты по книжной миниатюре получили возможность увидеть сразу весь или почти весь художественный ансамбль, и исследовательская работа приобрела совершенно иное качество. Теперь можно, не выходя из дома, «побывать» в любом самом отдаленном уголке земли, «посидеть» в читальном зале, а главное – увидеть то, что увидеть не было никаких шансов, не только нам, но и многим специалистам во всем мире. Можно, сидя за компьютером, буквально листать рукопись, увеличивать отдельные изображения с таким разрешением, что видны мельчайшие повреждения красочного слоя. А если уж ехать – то зная, куда и зачем.

Ил. 5. Фрагмент псалтири. Северная Франция. Вторая половина XIII в. Москва. Частное собрание

Ил. 6. Фрагмент псалтири. Северная Франция. Вторая половина XIII в. Ганновер (США). Библиотека Дартмутского колледжа. MS 001269

Ил. 7. Св. Екатерина. Историзованный инициал из хоровой книги. Ломбардия. Середина XV в. Москва. РГБ. Ф. 183, № 1678, № 19

Ил. 8. Неизвестный святой. Историзованный инициал из хоровой книги. Ломбардия. Середина XV в. Филадельфия (США). Публичная библиотека. Lewis E M 29:4

Интернет оказался одинаково важным для работы над всеми разделами каталожной статьи – будь то анализ текста, анализ живописи или происхождение рукописи. И он везде дает поразительные результаты. Он является важнейшим подспорьем в идентификации любых текстов и, в частности, текстов литургических. Литургистов теперь днем с огнем не сыщешь, каждый из нас в меру своих возможностей сам осваивает эту премудрость – и на помощь приходят профессиональные сайты и базы данных. Благодаря этим сайтам удалось уточнить или обновить названия многих московских рукописей, идентифицировать отдельные части рукописей в тех случаях, когда речь идет о сборниках различных авторов и т. д. Так же результативен этот способ при идентификации ацефальных молитв и текстов. Без Интернета нельзя обойтись даже в вопросах кодикологии – я имею в виду описание лакун. При малейшем сомнении в отношении того или иного разворота достаточно ввести в Google последнюю нижнюю строчку с левой страницы и первую верхнюю с правой – и мы получим либо фрагмент псалма, цитаты из Евангелия и т. п., либо бессвязный текст, если листа (или листов) не хватает. Там, где такая работа проделана, можно ручаться за точность, там, где лакуна определяется на глаз, – представленные в каталоге сведения будут далеки от полноты и точности.

На принципиально иной качественный уровень вышла и атрибуционная работа историка искусства. В.Н. Лазарев, в чьем спецсеминаре по атрибуции мне посчастливилось заниматься в МГУ, любил повторять: в атрибуционной работе выигрывает тот, у кого больше фотографий. Применительно к новым историческим условиям эта профессиональная максима должна звучать так: выигрывает тот, кто потратит больше дней и ночей на сидение в базах данных мировых библиотек в Интернете, на многочасовое терпеливое методичное просматривание рукописных фондов страницы за страницей.

Теперь многие открытия делаются перед экраном компьютера. Виртуально воссоединяются разрозненные фрагменты, произведения одного мастера или мастерской, тексты одного переписчика, годовые литургические комплекты хоровых книг (большой частью это тоже последствия наполеоновских разорений в странах Европы). «Листы-сестрички» к фрагментам северофранцузской псалтири второй половины XIII века (Москва, частное собрание) нашлись в библиотеке Дартмутского колледжа в Ганovere (США)¹² (Ил. 5, 6 и 7, 8). А листы к фламандскому часослову середины XV века (РГБ. Ф. 439, к. 23, № 2) – в Публичной библиотеке в Филадельфии (США)¹³. К итальянскому антифонарию XIV века (ГМИИ, инв. ОФ Арх. 1581), в котором содержатся службы к летним праздникам, удалось найти еще два тома с весенними (Женева, Публичная и университетская библиотека, Ms. Ariana 9) и зимними (Балтимор, Университет Джонса Хопкинса, библиотека Дж. У. Гаррета, Gar. 05) праздниками. Этот годовой комплект (вероятно, состоявший

из четырех томов; местонахождение последнего тома пока неизвестно) был заказан в одной мастерской и украшен одним миниатюристом¹⁴.

Благодаря Интернету произошло еще одно удивительное воссоединение. На этот раз – оригинала XV века и копии, сделанной в XIX веке. Лондонский аукционный дом Maggs выставил на торги (2007) копию миниатюры «Мадонна с Младенцем и ангелами» из французского часослова, выполненную неизвестным факсимилистом. Составители каталога не знали о существовании оригинала. А оригинал с 1872 года находится в Москве. Украшенный в Париже в середине XV века «Часослов Луи де Крюссоля» – один из лучших французских часословов в московских собраниях – был подарен еще Румянцевскому музею его директором Василием Андреевичем Дашковым (РГБ. Ф. 183, № 446)¹⁵. В XIX веке копировали много и с удовольствием, но сохранялись копии не так часто. Дашковский архив в РГБ не дал ответов на вопросы о происхождении его подарка. И пока это только удивительно живой привет из той далекой увлеченной средневековым эпохи, доказательство того, что нашу рукопись любили. А единственный косвенный результат находки – уточнение датировки копии, для которой дата дарения в Москве служит *terminus ante quem*.

С помощью Интернета оказалось возможным установить даже владельца экслибриса, что тоже можно назвать разновидностью работы с текстом. В небольшом часослове XV века из Брюгге (РГБ. Ф. 68, № 438) хорошо знакомый всем дореволюционный экслибрис библиотеки Генерального штаба в Санкт-Петербурге был наклеен на более ранний экслибрис и частично закрыл то, что там было написано (Ил. 9). Долгие попытки определить его владельца привычными способами не давали результата. С помощью Google'a ответ был получен с ошеломляющей скоростью. Несколько таких же надписей обнаружилось на экслибрисах книг, хранящихся в Муниципальной библиотеке Лиона. Оставалось лишь написать письмо в библиотеку. Ответ оттуда содержал все необходимые сведения о владельце экслибриса и самой рукописи, которым оказался лионский адвокат первой половины XIX века Франсуа-Огюстен Жермен (часть слова «Lugd» означала не что иное, как *Lugdunensis*, т. е. лионец)¹⁶.

При исследовании латинских средневековых рукописей каталогизатор сталкивается с очень обширными областями человеческого знания, разными сферами духовной и художественной культуры. Каждая область требует специальной подготовки, профессиональных навыков. С позиций историка искусства средневековая и ренессансная христианская иконография не так проста, как кажется. Во-первых, почти все сюжеты – как канонические, так и апокрифические – имеют большую иконографическую историю, широкий художественный контекст, незнание которого приводит к ошибкам и дает ложную информацию о предмете. Во-вторых, для описания и анализа живописного памятника у истори-

Ил. 9. Два экслибриса. Фламандский часослов. Брюгге. Третья четверть XV в. Москва. РГБ. Ф. 68, № 438

ков искусства есть свои правила и свой профессиональный язык. То же относится и к другим областям знания, в которые в той или иной мере вторгается составитель каталога. Описывая масонскую или алхимическую рукопись, мы обязаны стать на это время масонами и алхимиками и называть различные этапы процесса *Opus Magnum* так, как это принято у масонов. Описывая герб, мы должны, дабы не вызывать насмешек геральдистов, освоить блазонирование – язык описания герба, и описывать его по правилам геральдики. Все эти нормы приняты без обсуждения в современной практике каталогизации. Ответственность автора перед будущим читателем и пользователем каталога очень велика.

В последнее время западноевропейские специалисты по средневековой архитектуре создают комплексные интернациональные команды историков, инженеров, лингвистов, искусствоведов, реставраторов, которые вместе исследуют архитектурный памятник и готовят к печати полное его монографическое исследование. Так происходит в Германии с собором Регенсбурга, во Франции с аббатством в Жюмьеже. Рукописная книга – это тот же собор, это плод коллективных усилий людей многих профессий. Она одновременно исторический документ, литературный текст, изделие ремесленника и произведение искусства. При этом традиционная в нашем сознании триада писец – миниатюрист – переплетчик на самом деле представляет собой группу куда более многочисленную, ибо в каждой из трех частей существовали специализация и четкое разделение труда. Сюда следует добавить и фигуру заказчика и всех последующих владельцев рукописи. Комплексный, междисциплинарный подход к изучению рукописи заложен ее природой. Не случайно в предисловиях к каталогам столь внушительны списки тех, кого авторы благодарят за консультации по тем или иным вопросам. Это коллективный труд еще и потому, наконец, что рукописи одного мастера или мастерской, одного художественного круга, одного мецената или библиофила за несколько веков без преувеличения разбросало по всем континентам. Новая история европейской живописи Средних веков и Возрождения пишется по рукописям буквально «всем миром». Каждая ее глава, каждое действующее лицо – это, образно говоря, огромный пазл, который складывают десятки специалистов. Историков, литературоведов и лексикографов, литургистов и богословов, генеалогистов и геральдистов, кодикологов и палеографов, реставраторов. А теперь и историков искусства¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Екатерина Золотова. Книжная миниатюра Западной Европы XII–XVII веков. Каталог иллюстрированных рукописей в библиотеках, музеях и частных собраниях Москвы. Москва, 2010.
- 2 Avril F. et Reynaud N. *Les Manuscrits à peintures en France. 1440–1520*. Paris, 1993.

- 3 Quand la peinture était dans les livres. Mélanges en l'honneur de François Avril. Turnhout, Brepols, 2007. P. 424–432.
- 4 Золотова Е.Ю. Болонская Библия из Москвы. Иконография и атрибуция // Собрание. 2008. № 3. С. 8–17.
- 5 Золотова Е.Ю. Книжная миниатюра XV века и гравюра: новые материалы к теме // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. Материалы научной конференции 2008. М., 2008. С. 251–265; idem. Московская рукопись круга Ульриха Шрайера // Собрание. 2009. № 1. С. 8–17.
- 6 Золотова Е.Ю. Миниатюры неизвестного монограммиста CZ // Собрание. 2011. № 1. С. 8–15.
- 7 Иллюстрации к двум последним примерам см. в каталоге (примеч. 1): № 90, 125.
- 8 Ottosen K. The responsories and versicles of the latin office of the Dead. Aarhus, 1993; Sonet J. Répertoire d'incipit de prières en ancien français. Genève, 1956; Sinclair K.V. Prières en ancien français. Nouvelles références, renseignements complémentaires, indications bibliographiques, corrections et tables des articles du Répertoire de Sonet. Hamden (Connecticut), 1978; Rézeau P. Répertoire d'incipit des prières françaises à la fin du Moyen Age. Genève, 1986.
- 9 Фелькель Ю.К. Новая рукопись Цицероновых писем к друзьям // Московские Университетские Известия. Кн. 4. 1865. С. 193–213 (на латинском языке); Catalogue des livres rares et précieux de la Bibliothèque de feu M. Le comte de MacCarthy Reagh. Vol. II. Paris, 1815. P. 3. № 3873; Catalogue des cartes géographiques, topographiques et marines de la bibliothèque du prince Alexandre Labanoff de Rostoff à StPétersbourg. Paris, 1823. P. 4. № 12; Gilhofer H., Ranschburg H. Bibliotheken aus Österreichischem und Russischem Kaiserlichen Besitz. Luzern, 1933. S. 51.
- 10 Золотова Е.Ю. Немецкая рукопись «Зерцало человеческого спасения» XV века. Опыт реконструкции // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. Материалы научной конференции 2009. М., 2009. С. 346–367.
- 11 См. в каталоге (примеч. 1): № 39, 45, 51, 99, 100, 112, 134, 144b.
- 12 Ibid. № 99.
- 13 Ibid. № 112.
- 14 Статья об этих трех антифонариях готовится к печати.
- 15 Zolotova E. Fifteenth-century French illuminated manuscripts in Moscow collections. Books of Hours. Leningrad, 1991 (издано на французском, английском и немецком языках); idem. Французский часослов XV века из собрания Российской государственной библиотеки в Москве (ф. 183, № 446). Факсимильное издание с научным комментарием. Москва-Мюнхен, 2007 (на русском и немецком языках); idem. Судьбы средневековой книжной миниатюры в XIX веке // Собрание. 2010. № 4. С. 8–17.
- 16 См. в каталоге (примеч. 1) № 109.
- 17 Содержательную дискуссию на эту тему ведущих специалистов по изучению средневековой книжной миниатюры, с подведением итогов почти векового периода развития науки, с анализом существующих в этой области проблем и путей их решения, с обширной библиографией см.: Les manuscrits à peintures au Moyen Age: bilan et perspectives de la recherche // Perspective, 2010/2011. № 2. P. 301–318.